

К 400-летию окончания Смутного времени

Татьяна Токарева

Осада Троице-Сергиева монастыря. 23 сентября 1608 г. – 12 января 1610 г.

Героическая оборона Троице-Сергиева монастыря является одной из ярких страниц истории нашего края. Однако этому знаменательному событию не посвящаются особые дни памяти, нет и достойного его значения мемориала. Лишь скромный памятник защитникам недавно установлен на берегу Белого пруда, вдали от магистралей, перекрестков и площадей Сергиева Посада. Он, как бы стесняясь, «стоит в стороне» и от Лавры. Между тем, многие годы по окончании Смуты ежегодно совершались, в память об осадных страдальцах, крестные ходы по Троицкой цитадели, сопровождавшиеся окроплением стен, церковным пением и другими торжествами. Они ярко и образно рассказывали об этом достопамятном факте. Ныне немного напоминает о ней. Каждый входящий в обитель Сергия Радонежского, может заметить чугунные плиты по сторонам от Святых ворот. Они установлены в честь 300-летней годовщины снятия осады. Тексты на них разглядеть не просто, стоя на пути людского ручья, текущего в Лавру. Об осаде напоминает и обелиск XVIII в., стоящий в Лавре, два из его щитов повествуют о ней в соответствии с представлениями того времени.

Многие авторы, писавшие об осаде обители, опирались на сочинение талантливого писателя келаря Авраамия Палицына. Безусловно, его влияние велико и значение труда бесспорно. Тем не менее, как доказали современные авторы, Палицын не всегда сообщал точные сведения. Поэтому многие вопросы военной истории осады, например, численность осажденных и осаждающих, даты и количество штурмов, особенности проведения вылазок и отражения штурмов, вооружение воинов и оснащённость крепости не решены в полной мере. Недостаточно исследованы и условия жизни в осаждённом монастыре, особенности питания, размер жалования и другие подробности жизни и смерти в обители. До сих пор неизвестно количество погибших и места их погребения. Необходимо напомнить, что почти все троицкие сидельцы были физически уничтожены. Они, страдая, умирали ежедневно не только ран – замерзали от холода, голодали, погибали от цинги, терпели страшные нужды. Поистине удивительно, что все эти беды не заставили их покориться!

Укрепления Троице-Сергиева монастыря

Прежде чем обратиться к событиям троицкой обороны, рассмотрим устройство монастырской крепости – важнейший аспект событий осады. Крепость, построенная по указу царя Ивана Грозного в середине XVI в., состояла из городской стены и 12 трехъярусных башен (в настоящее время она другая – выше и шире прежней почти в два раза, башни же много больше тех, их теперь 11). Протяженность крепостной стены была более 1300 м. Высота стен «из подгорья» была две с половиной сажени (до 6 метров), а на ровном месте – только 2 сажени. Она была двухъярусной, толщина ее неизвестна – внешняя часть ограды, собственно стена – около 1 метра. С её внутренней стороны находились галереи.

Нижний ярус назывался подошвенным, он представлял собой цепь отдельных камер, «киотов стенных», раскрытых внутрь крепости. Точная конфигурация киотов, глубина и толщина

нижнего яруса не совсем ясна. Остаются загадкой размеры и форма бойниц, направление раструбов «щек», ритм их размещения на пряслах, и главное, внутреннее устройство, не позволяющее делать выводы о размещении там даже мелкой артиллерии.

Верхний ярус стены был в виде крытой галереи, внешняя сторона которой завершалась зубчатым краем. Узкие щели вертикальных «стрельниц», с развернутыми внутрь «щеками», предназначались для лучников. Между ними располагались небольшие квадратные отверстия для «огненных» стрельцов находящиеся на уровне пояса воина. Под ними – диагональные машикули, «навесные» бойницы, позволявшие применять ружье и для обстрела «мертвой» зоны под стеной.

Цитадель монастыря изначально предназначалась и для размещения на ней артиллерии, которая стояла на башнях, хотя и ранее и теперь некоторые исследователи говорят о том, что они находились и на стенах. Троицкие башни были небольшими. Для сравнения отметим, что осадная Пятницкая башня имела высоту 9 метров, а нынешняя – 22 метра. У старых башен было только три боевых яруса (в настоящее время до 5—8).

Длина крупных орудийных стволов достигала 14 пядей (2,5—3,5 м.). Для свободного обращения с орудием необходимо много места – бронзовые полуторные и полковые пищали были на колесных лафетах. С их помощью осуществлялось обслуживание троицких дульнозарядных пушек. Их «производительность» была крайне низкой. На один выстрел уходило много времени (зарядание, установка, прицеливание, выстрел, охлаждение, поэтапная чистка). На верху же стояли и кованые железные пищали меньшего калибра. Две из них сохранились: у них длинные тонкие стволы, отсутствуют прицелы и цапфы (ручки).

Крупная артиллерия не участвовала в отражении штурмовых атак. Она обороняла подступы к крепости. В этой связи наличие вражеских батарей в непосредственной близости от стен (250—300 метров) объясняется земляными укреплениями. О «шанцах» (окопах) и «кошах» (земляных корзинах) сообщает «Дневник» Сапеги. Артиллерия Троицы не дала Сапеге поставить и «таборы» ближе, чем в 500 метрах с запада (на пологой Красной горе) и 300—500 метрах с юга и юго-востока – на горе Волкуше. С восточной и северной стороны от обители враг не поставил ни туров (осадных башен), ни таборов. Только во второй половине осады, летом 1609 г. Сапега осмелится передвинуть лагерь ближе к стенам. Вероятно, троицкая крупнокалиберная артиллерия к этому времени молчала.

На средних ярусах башен находились длинные затинные пищали – крепостные ружья с фитильными замками (вес ядра – до 1 гривенки (491 гр.) Затинные применялись двояко, в том числе и для отражения штурмовых атак: один из врагов получил рану «из затинной в правую ногу» летом 1609 г. На «подошвенных» ярусах стояли дробовые пищали и тьюфяки, предназначенные для стрельбы «в лет» по близкой мишени. Они направлены были и в «поле» и вдоль стен, находясь напротив друг друга, на выступающих гранях башен. Так как они обороняли «подошву» крепости, то именно они оказали сопротивление противнику во время штурмовых атак. Всего орудий было менее 100: 20—25 крупных, 30—40 затинных и столько же дробовых. Снарядом для дробовых служили всякие снасти – гвозди и камни.

Огнестрельным ручным оружием во время осады были ручные пищали, самопалы и мушкеты, как русского, так и западно-европейского производства. «Самопалы» имели кремневые замки, а мушкеты – фитильные, более простые и архаичные. Часть их сохранилась: в 1830 г. 58 ружей были переданы в Оружейную палату.

Оружием для контактного боя служили сабли, бердыши и «скорды» – так назывались боевые топоры. Активной была стрельба из луков, до того момента, когда иссяк запас стрел. Для отражения приступных атак широко применялись бревна, кирпичи и камни. «Голова с

"города" прошибена бревном», «голова разбита "каменем"», – так описывались ранения, полученные в боях под стенами монастыря.

Загадкой являются некоторые предметы, указанные в источниках, например «козы осадные» для смолы. Палицын пишет о ее боевом применении по-разному: смолу либо «метали», либо «спускали» «козы с огнем». «Коза» могла представлять собой железную решетку с выемками или горшками, опрокидываемую на противника с помощью рычагов. Коза с «огнем» применялась и для сбрасывания «вара с калом», смолистого состава, куда еще добавлялись прогорклые жиры – такое вот «биологическое» оружие. Другая загадка – вопрос использования сидельцами «подметных рогаток», которые еще носят название «чеснок». Такая колючка, сцепленная по нескольку штук, швырялась под ноги конным преследователям. Колючка актуальна и для защиты подступов к обороняемой территории. Возможно, что она использовалась противником, а не сидельцами – охраняла подходы к их лагерям. Ведь местность вокруг монастыря имела естественные преграды: овраги, запруды, речки с заболоченными берегами. Этих естественных рубежей враг опасался, поскольку по ним скрытно пробирались защитники: вылезали за дровами, сеном, скотом, нападали по ночам на заставы и даже на таборы противника. Известны случаи поджога в стане Сапеги.

Территория с востока от монастыря имела искусственную защиту. Здесь был безводный ров, глубиной и шириной почти в 10 метров, облицованный со стороны стены камнем и кирпичом. Внутри рва располагались «пушечные бои» под въездным мостом «на обе стороны». В середине прошлого века обнаружены на кромке рва остатки «надолбов».

Итак, крепость была хорошо оснащена и подготовлена к обороне. Однако выстоять без живой силы, верной своему делу, она, безусловно, не смогла бы. Не случайно польский историк сказал о ней так: крепость вооружена «людьми, железом и мужеством»!

Защитники

Вопрос о численности гарнизона не решен к настоящему времени. Назывались разные цифры – от 1500 (С.М. Соловьев) до 8000 человек (И.С. Шепелев). Сведения документов позволяют уверенно говорить о 2500—3500 ратных (И.О. Тюменцев).

Воинские люди были присланы в крепость царем Василием Шуйским незадолго до осады. Это были московские и городовые дворяне и дети боярские (по Переславлю-Залесскому, Владимиру, Ярославлю, Галичу, Кашире, Туле, Алексину и другим). Дворяне были самой значительной воинской силой, сражавшейся на конях. Другая категория присланных ратников – московские стрельцы. Они в конце XVI—начале XVII вв. были и пешими и конными. Среди защитников были и конные казаки. Они отличались «независимой от правительства боевой организацией» и воевали под началом выбранных голов. Обороняли Троицу и даточные люди – временно взятые в службу монастырские крестьяне. Они составляли самую бедную и слабо организованную часть ратных. В документах они упоминаются в качестве «стенных сторожей».

Сражались за Троицу и собственные воинские силы обитатели – слуги (конные и пешие) и сами монахи, искусные в ратном деле. «А подо мной убили на вылазках двое лошадей, и сам был ранен, а нынеча уж рана поджила» – писал один из слуг. Они сели в осаду вместе с женами, детьми и холопами. Один из них писал отцу: «А пожалуйешь, государь, похочешь ведати про матушку, и про брата про Дементия, и про Максима, и мы по сю грамотку еще живы». Другой пишет, что у него к лету умерли жена и дочь. Поэтому точно сказать, сколько всего людей село в осаду, не представляется возможным.

Гарнизон Троицы пополнялся трижды. В феврале пробились в обитель казаки с атаманом Суханом (Сухоем) Останковым, которые принесли с собой запасы пороха. В октябре 1609 г. от князя М.В. Скопина-Шуйского из-под Александровой слободы пришел воевода Давыд Жеребцов с тремя сотнями ратных, и, в конце осады – Григорий Валуев.

Руководили обороной воеводы окольный Григорий Борисович Долгоруков Роща (служил Лжедмитрию I, у которого и получил чин окольного в 1605 г.) и московский дворянин Алексей Иванович Голохвастов, а с ноября 1609 г. – Давыд Васильевич Жеребцов. Вклад каждого из военачальников трудно оценить. Не достаёт документальных свидетельств, а те, что есть, противоречат друг другу. Обращает на себя внимание тот факт, что нигде не упоминаются боевые ранения ни Долгорукова, ни Голохвастова. Последний, однако, участвовал в боях. Документы сообщают, что в середине осады он перестал выходить на вылазки потому что: «ноги у него отделились цынгою». Сведения же о заслугах Долгорукова (во время штурма 28 июня он руководил обороной «утлой» стены) исходят от его явных сторонников, писавших доносы на Голохвастова, поэтому говорить о подвигах князя Григория Борисовича не приходится. Лишь в одном месте источник сообщает о его выходе из города во время боя, но уже после того, как литовские люди побежали, князь Григорий начал преследование – «и как литовские люди от приступа побежали, и князь Григорей Борисович вылезчи за город с дворяны и с детьми боярскими и слугами монастырскими и со всеми ратными людьми всугон, литовских людей многих побили и языки поимали».

«Наветы» на младшего «по званию» воеводу, начавшиеся из-за обострившихся противоречий, позднее не подтвердились. Именно Голохвастов после снятия осады оказался в почете, а Долгоруков после был переведен в Вологду вторым воеводой. Именно о нём и товарище его по новой осаде летописец напишет, плача о разгромленной, растоптанной Вологде: «пропили город Вологду воеводы». Это говорит о многом.

Однако документы сохранили имена ратников, сражавшихся и погибших за Троицу. Среди дворян и детей боярских – Иван Внуков («ранен на Подольном монастыре, как наряд взят»), Сила Марин («ранен на Конюшенном пруде, и от тое раны умер»), Афанасей Редриков («ранен... и от тое раны умер»), Иван Ходырев, Василей Зубов, Борис Зубов, Ратман Менших Тимонов, Борис Кувшинов, Ждан Скоробогатов, Петр Ошущков, Степан Лошаков, Ярослав Стогов («убит в лоб за Красными вороты»), Иван Григорьев, Савин Айгустов, Юрий да Никита Редриковы, Федор Хлобов, Захария Бегичев, Семен Вантеев, Елисей Шилов, Семен Сановской («взят на дороге, послан в Москву и пострадал в таборах Сапегиных, замучен за веру православную христианскую...»). Имен монахов, сражавшихся за крепость с оружием в руках, в источниках, в отличие от книги Палицына, очень мало. Упомянуты трое старцев-воинов, руководивших ратными – конюший Афанасий Ощерин, «правого крылоса головщик» Паисей Литвинов и головщик же Гурий Шишкин.

Имена крестьян и других «черных» людей почти неизвестны. К сожалению, сведения Авраамия о клементьевских крестьянах Шилове и Слоте, взорвавших подкоп, не подтверждаются документально. Однако забыты те крестьяне и казаки, которые были реальными лицами. Например, на вылазке «за Служню слободу на речку под туры» 8 марта 1609 г. клементьевский крестьянин Пронька Гаврилов вместе с казаком Тимошкой Трофимовым взяли языка – «пана Маковского, Сапегина полку роты Микулинского».

Войско врага

Накануне прихода врагов под Троицу, правительственная армия под селом Рахманцевым (ныне Рахманово) была разбита, люди разошлись «по своим домам». Днем 23 сентября (3 октября) 1608 г. Сапега подошел к Троице-Сергиеву монастырю. Что из себя представляло войско врага? Главным его военачальником был Ян Петр Сапега (1569—1611) «каштелянович Киевский, староста Усвятский и Керепецкий». До вмешательства в русские дела Сапега успешно служил польскому королю, сражался со шведами, участвовал в битве под Киргхольмом (1605 г.), после чего награжден, но позднее покинул Речь Посполитую. В 1607 г. присягнул Лжедмитрию II и венчанной «московской царице» Марине Мнишек.

Войско Сапеги состояло из конных и пеших отрядов и пушкарских подразделений. Отборную часть его «рыцарства» составляли гусарские роты. «Крылатые» (иначе «летучие») «гусаре» были страшной силой. Они атаковали «галопом, двумя линиями, колено к колену». Основное оружие гусар «на гарцах» – длинные копья – приводили противника в шок. Для контактного боя им служили удлиненные сабли, палаши, топоры и палицы. Они носили на доспехах (кирасе) высокие крылья из журавлиных и орлиных перьев, одним своим видом наводя панику. Командирами у Сапеги были опытные ротмистры: Бузовский, Дзевялтовский, Мирской, Щотецкий, Стравинский, Вильямовский, Велегловский, Микулинский, а позднее прибывали и другие: Вишневецкие, Тышкевичи, Зборовский, Талипский, Сума, Будила, и даже «коронный» гетман – Роман Ружинский (Рожинский).

Большую, но не лучшую часть отрядов врага, составляли «русские изменники». В их основе – вольные казаки, татары, беглые крестьяне, холопы, «охотники». «Полчаном» у них был Александр (Иосиф) Лисовский (1575—1616, ?). Военного успеха Лисовский достигал тактикой стремительных набегов, глубоко проникая в тыл противника. «Лисовчики» отличались неумемной удачей и смелостью. Служили врагу и русские дворяне и дети боярские, псари, монастырские слуги. Истинная трагедия разыгрывалась под стенами Троицы: дворяне Переславля-Залесского (их имена известны) сражались по разные стороны «баррикад», брат против брата, отец – сына. Среди них оказались Редриковы, Айгустовы, Измайловы, Колесовы...

Армия противника была весьма внушительной по численности (источники называют от 10 000 до 30 000), но весьма неоднородной, и раздираемой противоречиями. Раздоры, конфликты, проблемы с дисциплиной приводили к вооруженным столкновениям. Не случайно военные лагеря противника были обособлены друг друга. Сапега с «рыцарством» стоял отдельно от Лисовского с казаками и татарами.

Осада монастыря

Противник начал осаду с выстрелов из пушек – «чернецам на добру ночь». Затем «етман», обследовав местность, и, поняв, что взять обитель «с наскоку» ему не удастся, приказал построить укрепления и разбить лагерь. Позднее его стан был окружен и рвом и валом с острогом. «А остроги делали около таборов для того, чтобы ночью, вышедши из города, таборы не зажгли и для прихода московских людей» объяснял на допросе пан Маковский в январе 1609 г. Об устройстве стана Лисовского известно лишь то, что он был поставлен по образцу полевых лагерей «казацкого» типа, за опрокинутыми телегами.

О хронике осадных боев написано много. Поэтому сказать хотелось бы лишь о наиболее значимых событиях, выявляющих этапы обороны. Защита строилась по двум основным направлениям – активная стрелковая оборона со стен во время штурмов и

вылазные бои. В истории обороны можно выделить следующие этапы. Первый (сентябрь—октябрь 1608 г.) – период своеобразной взаимной проверки сил друг друга, прощупывание боевых качеств и возможностей. Именно тогда происходили очень тяжелые столкновения большими силами на вылазках. В это время был и первый безуспешный штурм (21 октября/1 ноября). Полученные представления о противнике позволили воеводам выработать эффективные меры борьбы с ним. Заставили они и Сапегу поменять тактику.

Второй (ноябрь 1608 – февраль 1609 г.) – самый активный этап ратных «дел». Вылазки шли почти ежедневно, их результативность возросла. Много было и жертв – только одно из сражений 29 ноября (8 декабря) унесло более 200 жизней. Вылазки в этот период стали более продуманными. Воеводы уже не бросали крупные силы в поле, предпочитая бороться, прикрываясь естественными рубежами. Враг скажет потом, что это было «нечестно». Жалуясь на защитников, они писали: «Вылазку "москва", как всегда, так и теперь, бесчестную учинила, ибо под стены наших всадников подпустив на расстояние выстрела, имела уже намеченную цель на ровном месте... Выезжали мы охотно верхом на дело, но от выездов очень мало было пользы, ибо они вероломно сразу в окопы удирали, откуда из мушкетов часто наносили урон нашим...». Сапега не смог силой справиться с сидельцами, и задумал взять их хитростью – с помощью подкопа. Но разведка смогла устранить эту угрозу, и подкоп «зарушили» 11 ноября. В этот период часто «вылезали из города» за дровами, нередко попадая в засады. Овраги на север от крепости были «политы христианскою кровию, яко дождевыми каплями».

Третий этап обороны (март—июнь 1609 г.) – самый трагичный. Боевые операции из масштабных боев превратились в мелкие стычки. Но главные потери защитников происходили от эпидемии. Внутренние распри и всеобщая усталость усложнили обстановку. Дело дошло до крайней точки. Воеводе пришлось «отговаривать от мятежа» толпу вооруженных людей.

В это время Сапега решится на второй штурм, к которому было все готово. Это было самое крупное сражение за Троицу, о котором сообщают русские источники. Враг пошел на приступ «с верховым боем огненным и с щитами и с лестницами и с проломными ступами со все четыре стороны». Щиты имели «бревна вдвое и окошки поделаны, по окнам стреляти». Упоминаются у Сапеге особые пушки, стрелявшие огненными ядрами. Очевидица пишет, что враги «зажигали огненным боем..., [но] ничего не вредили монастыря: зажигали многижда, а где огнянка не падет, тут не загорится». Имеются сведения, что верховая пушка у Яна Сапегы была всего одна, выстрелила же она только шесть раз, «а было у нее только 8 ядер», но напрасно – зажечь крепость противник не смог. О попытках штурмовать Троицу «взятьем» нелестно отзывались товарищи Сапегы. «Мы рассчитывали вместе с Сапегой, а значит и с большими силами, пойти на Скопина, но вместо этого только потеряли людей, загубив их на штурмах».

За последующие месяцы осады сведений в русских документах нет. О третьем, особо неудачном и, вероятно, последнем штурме 6—7 августа 1609 г., сообщает только «Дневник Сапегы».

С конца лета по октябрь крупных военных операций, по-видимому, не происходило. Войска Сапегы и Лисовского постоянно отходили в соседние области, пытаясь удержать захваченные прежде крепости и города. Когда войска М.В. Скопина-Шуйского уже отняли у противника Александрову слободу (в 40 км от обители), от него пришли в Троицу ратные с Жеребцовым. Боевые действия возобновились. В ноябре пришел еще один отряд от Скопина-Шуйского. С 1 декабря записи польского гетмана обрываются. Осада с этого

момента уже по сути, была прекращена. Все документальные источники молчат о дате отхода войск Сапеги. Палицын же писал, что это произошло 12 января. Мы полагаем, что эта дата взята с одного из вкладов в обитель царем Василием Шуйским в благодарность за сидение. Надпись говорит о 12 января, как о дате вручения наград от царя защитникам. Уже в ноябре отряды Скопина вплотную подходили к крепости. Секретари Сапеги писали о том, что видели большие отряды в трех-четыре верстах от Троицы, причем на разных дорогах (с востока, юга и юго-востока от монастыря). Только путь на Дмитров еще контролировал Сапега, куда он, возможно, отступил раньше, чем принято считать. Рассказы же о боях января месяца не подтверждаются документами.

Жизнь в осаде

Отдельная тема истории осады – это вопросы организации питания, выплаты жалования и другие. Все ратные люди существенно различались по положению, а те, кто не участвовал в боях, от привилегированных лиц (в осаде сидели и королева Мария Владимировна, дочь князя Старицкого, и царевна Ксения Годунова, в иночестве Ольга) до простых черных людей – находились в разных условиях.

При описании жалоб слуг и стрельцов обращает на себя внимание очевидное неравенство в обеспечении людей «ествой и питиями». Претензии к администрации ратных людей, «кровь проливающих», были обоснованы. Власти писали, что они кормили московских стрельцов, например, в Келарской палате «неучетом, досыти», запрещая выносить съестное. Однако стрельцы «насильством» хлеб выносили и продавали. Тогда власти изменили порядок кормлений. Было велено выдавать им по четверти хлеба на четверых два раза в день – к обеду и к ужину. Кроме хлеба выдавалась им каша и некая рыба, но сведения по рыбным порциям не совпадают. Власти утверждали, что рыбу стрельцам они давали четыре раза в неделю с начала осады и «по ся места» (по ноябрь 1609 г.), а стрельцы о рыбе же – что только дважды в неделю, однократно на день.

Расходятся показания также и о хлебе. Стрельцы жалуются, что хлеб для них был низкого качества, из ржаной муки с мякиной, который выдавался им ежедневно один на 16 человек, из которого, кроме того, были вырезаны «середки», то есть хлеб был «выпотрошенный». Власти отвечали, что такого хлеба стрельцам не давали, но при этом сами же добавляют, что «немного того было, примешивали в хлебы муки ячные ко ржаной, и то без мякины». Власти лукавили, передавая жалобу стрельцов царю – «а иным де дают того лутчи», пряча за туманным выражением свое привилегированное положение. Требование же стрельцов кормить их наравне с братией, передавали витиевато, не договаривая: «а нам (властям – Т.Т.) было (бы) пригоже собою всякое крепкое начало положить, и наперед ко всякой жестокой естве себя понудити». Это показывает, что жаловались стрельцы не напрасно.

Слуги также неоднократно просили власти обеспечивать их равной с братией «порцией». Они запрашивали «еству» как у монахов, но получили отказ. Старцы писали: «да тебе ж, государю, били челом слуги троицкие о еде, чтоб им давати еству брацкую», а «мы, государь, слуг (в том) утешити не можем». Через некоторое время слуги опять били челом о «братской естве», но уже не властям, как прежде, а самому государю. Чем они были недовольны – видно из текста: «А оне (слуги – Т.Т.) брацкую еству просят по кельям, потому что в трапезе ставят перед четверых, а им то по кельям пойдет одному, потому что у них у иных жены да дети, а у иных жонки (прислуга)». Очевидно и то, что домашним ратных не полагалось никакой «ествы»; кроме каш и хлеба, разносившихся по кельям. Именно поэтому

слуги били челом не о конкретной пище, («коли на братию рыба»), а именно монашескую. Власти, оправдываясь, отвечали лукаво, выставя слуг жадными: «Из перед меня, из перед архимандрита возьми перед собя, а своё поставь перед меня». Тем не менее, питание братии почти во весь период осады было лучше, чем у ратных людей и членов их семей. Только с лета у старцев, например, «отставлены» были «все прибавки», прекращены были им и выдачи меда и пива, то есть почти через год после начала осады. При этом у рядовых ратных людей их вообще не было. Ратные люди, приходившие «из-за города с вылазки» не получали «за службу» ни меду, ни пива.

Обиды сидельцев на власти зазвучали особенно остро, когда появились раненые, многие из которых не имели денег, чтобы оплатить лечение. Келарь писал, что уже после штурма 1 ноября 1608 г. архимандрит Иоасаф «живых раненых лечити повелел и покоити монастырскою казною». Но документы свидетельствуют о другом. Раненые всяких чинов оставались без «потешений» почти весь первый год осады. Ратники писали: «А иные, государь, мы, холопи твои, лежим ранены, а от лечения и на зелье дати нечево ж», «на раны, государь, нам денег не дают». В июле 1609 г. московский стрелец сообщает: «Яз... после Петрова дни по первой понедельник жив в иноческом оброче, а пострижен, грехом своим, при смерти. А здесь нам на раны не давали ничего». Власти же писали, что «покоили» раненых всем необходимым: «А раненым, государь, и больным всяким людям, дают на всяк день: из хлебни мяжкой хлеб, да ис поварни шти да каша брацкая, а из келарские по звену рыбы на день человеку». Однако данная практика установилась в монастыре только после прихода в обитель Давыда Жеребцова.

Самое скорбное положение в осажденной крепости занимали так называемые «черные» люди. Они умирали с голоду и со всяких нужд, в которых не могли их «утешить» старцы. Чернец Симеон в январе 1609 г. сообщает келарю, что «черные люди и с гладу и с нужи помирают». Он же пишет, что «люди волостные все наги и босы, которые на стенах стоят». В другом месте прямым текстом говорится, что дров хватит «на один монастырской обиход, а на город и на всю осаду отнюдь взяти негде». (!)

Порядок распределения съестного между осажденными и контроль над оставшимися припасами с приходом Жеребцова были налажены. Он взял «счетные памяти» и ключи от кладовых на себя.

Во время осады монастыря очень острой была ситуация с обеспечением сидельцев обещанным царем денежным жалованием, так как без наличных денег в осажденной обители прожить было невозможно. Просят царя о жалование и дворяне и дети боярские: «присланы мы... с Москвы в Троицкой монастырь перед осадю вскоре, и сидим, государь, в осаде двадцать восемь недель, душою да телом наги и боси и во всем скудны... А здесе, государь, в монастыре, дали нам из троецкие казны займы в кабалы (!) только по рублю денег, а покупают, государь, здесе в монастыре одежду, и обувь, и съестное добре дорого: в семь цен перед прежними» ...

Горькая истина звучит в словах челобитья детей одного из погибших в ноябре 1608 г. Афанасия Редрикова. Плачутся царю сироты: «Божья государь воля сталась, отца нашего на твоей государевой службе ... в осаде на вылазке убили, а нас, сирот твоих, после отца нашего семеро, три сынишка, да четыре дочеришка в долгу... Милосердный государь, царь и великий князь Василий Иванович, всея Руси, пожалуй нас, бедных сирот своих, отца нашего окладом, своим царским жалованием».

Впоследствии, уже после прихода в обитель нового архимандрита, «нищелюбивого» Дионисия Зобниновского, заботы и о ратных, и о голодных и о больных и о сиротах

монастырь возьмёт на себя. Симон Азарьин писал, что Дионисий, призвав келаря, казначея, братию и слуг, «заплакал и возопил, горькими слезами захлебываясь», прося «показать милость над бедными, больными и ранеными, которые от поганых посечены и повержены», чтобы «пошли и собрали их всех в обитель и промысел целебный над ними показали». После этого начался промысел о бедных – обитель построила приюты, обула и одела нищих, мертвых же «честно погребли».

Где же находятся братские могилы сидельцев и тех, кого захоронили уже после осады? Священник Иван Наседка рассказывал: «Я, грешный, ... живо помню, сколько людей тогда исповедывал, и причащал, и схоронил ... До 4000 человек мы погребли, а именно помню, что в один день в одной общей могиле у Николы в Клементьеве мы положили 860 человек, да в Терентьевой роще 450 человек; кроме того ... без счету схоронили в самом монастыре, в Служней слободе, и у Пятницы (монастырь на Подоле – Т.Т.)». Однако могил этих не обнаружено ни в монастыре, ни в селе Клементьеве.

Население края к концу Смуты было уничтожено. К 1614 г. администрация монастыря составляет «свозные книги» своих крестьян, по которым особенно хорошо видно, насколько разорена была Русская земля! Когда-то «тучные» земли, теперь лежали «в пусте», они «лесом и кустарем поросли», дворы «выжжены», а люди «посечены». А выжившие «бродят меж двор». Только благодаря поддержке новой династии, ценя ту роль, которую сыграла обитель в это гибельное время, монастырь смог восстановить разоренное хозяйство.

Всех участников осады, а особенно воинских людей, принявших основной удар на себя, а также и братию обители, которая не только «беспрестанно Бога молила», но и работала на всю осаду, «воду носила, квашни месила, хлебы пекла», стояла на караулах «ровно» с земскими людьми; и, конечно, неизвестных «черных» людей, оказавшихся в тяжелейших условиях нельзя забывать – ведь они выдержали злейшие муки, выстояли по натиском вражеских сил, несмотря на голод и холод, эпидемии и раны, «шатания» и «распри», смуту и сопротивление русского общества. Защита крепости Троицкого монастыря – поистине героическая страница нашего прошлого!

Источники и литература

Акты исторические, собранные и изданные Археографической комиссией. СПб. 1843. Т. II. №№ 181.1—3, 240, 241, 242. 1—3.

Винклер П. Оружие. Руководство к истории, описанию и изображению ручного оружия с древнейших времен до начала XIX в. М., 1992.

Висковатов П.П. Историческое описание одежды и вооружения российских войск. Ч.1. СПб., 1899.

Гехайн Вендален. Энциклопедия оружия. СПб., 2005.

[Голохвастов Д.П.] Замечания об осаде Троице-Сергиева монастыря 1608—1610 гг. и описания оной историками XVII, XVIII и XIX вв. // Москвитянин. 1842. Ч. III. № 6. С. 267—324. Ч. IV. № 7. С. 125—206.

[Голохвастов П.Д.]. Ответ на рецензии и критику «Замечаний об осаде Троице-Сергиевой лавры...» // Москвитянин. 1844. Ч. III. № 6. С. 275—369, № 7 С. 65—166.

[Горский А. В.] Возражения против замечаний об осаде Троице-Сергиевой Лавры // Москвитянин. 1842. Ч. VI. № 12. С. 405—444.

Двуреченский О.В. Боеприпас для ручного огнестрельного оружия Московской Руси конца XV—начала XVIII в. // Археология Подмосковья. Материалы научного семинара. Вып.2. М., 2005. С. 264—295.

Двуреченский О.В. Наконечники стрел Московской Руси и Русского государства XIV—XVII вв. // Археология Подмосковья. Материалы научного семинара. Вып. 3. М., 2007. С. 277—331.

Державина О.А. Колосова Е.В. Сказание Авраамия Палицына / Под редакцией Л.В. Черепнина. М.-Л., 1955.

Дневник Марины Мнишек / Перевод В.Н. Козлякова. СПб., 1995.

Маковская Л.К. Ручное огнестрельное оружие русской армии конца XIV-XVIII вв. Определитель. М., 1992.

Маркевич В.Е. Ручное огнестрельное оружие. История развития со времен возникновения до введения бездымных порохов. СПб., 1994

Разин Е.А. История военного искусства. М., 1994.

Сборник князя Григория Хилкова. СПб., 1879. №№ 14,18, 34, 35, 37-39, 42.

Токарева Т.Ю. Источники по истории арсенала Троице-Сергиева монастыря в XVII в. // <http://www.kreml.ru/ru/science/conferences/2010/historicalArm/thesis/2010>

Токарева Т.Ю., Омельчук П. Дневник Яна Петра Сапеги: сведения по осаде Троице-Сергиева монастыря в 1608—1609 гг. // Троице-Сергиева лавра в истории, культуре и духовной жизни России. Материалы VII международной конференции 23—25 сентября 2010. Сергиев посад, 2012. (в печати).

Тюменцев И.О. Очерки по истории обороны Троице-Сергиевой лавры в 1608—1610 гг. Учебное пособие. Волгоград, 1995.

Тюменцев И.О. Смута в России в начале XVII столетия. Движение Лжедмитрия II. Волгоград, 1999.

Тюменцев И.О. Оборона Троице-Сергиева монастыря в 1608—1610 гг. М., 2007.

Чубинский А.Н. К атрибуции «троицких пищалей» из собрания Оружейной палаты. // <http://www.kreml.ru/ru/science/conferences/2010/historicalArm/thesis/2010>

Шепелев И.С. Освободительная и классовая борьба в русском государстве в 1608-1610 гг. Пятигорск, 1957. С. 302—522.

Шокарев Ю.В. Оружие. Иллюстрированный словарь. М., 2003.

Dziennik Jana Piotra Sapiehy (1608—1611 rr.) // Hirschberg Aleksander. Polska a Moskwa w pierwszej polowie wieku XVII. Zbiór materialow do historii stosunkow polsko-rossyjskich za Zygmunta III. Lwow, 1901. S. 167—332.

Moskwa w rekach polakow. Pamietniki dowodkow I oficerow garnizonu polskiego w Moskwie. 1610—1612. Krakow, 2005. S. 237—239.

Об авторе.

Татьяна Юрьевна Токарева – старший научный сотрудник Сергиево-Посадского государственного историко-художественного музея-заповедника.